

РЫБАКОВ С.В. (Екатеринбург)

**ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНОСТЬ
КАК ИСТОЧНИК ПОБЕДЫ НАД ГИТЛЕРИЗМОМ**

В 30-е годы XX века в СССР проводилась политика, направленная на окончательную ликвидацию церкви и религии. В 1932 г. была объявлена «безбожная пятилетка».

Напористо проводилась богоборческая пропаганда. Массово закрывались православные храмы. Число священников, осужденных за сохранение верности церкви, составляло десятки тысяч. Церковный историк и публицист митрополит Иоанн (Снычев) писал: «Казалось, ничто уже не спасет Россию от медленной, мучительной смерти – равно физической и духовной. Но страшное потрясение новой войны в очередной раз – вопреки всем человеческим расчетам – изменило русскую судьбу»¹.

Начавшаяся Великая Отечественная война явила как откровение факт неутраченной духовной мощи Русской православной церкви. Уже 22 июня 1941 г. патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) обратился к православному духовенству и верующим: «Повторяются времена Батия, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз поставить народ наш на колени перед неправдой; голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостностью родины, кровными заветами любви к своему отечеству. ...Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родной и верой, и выходили победителями... Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину»².

Митрополит Сергей высказал твердое убеждение, что немецкие оккупанты будут разбиты. Его слова были по-своему необычными, ибо произносились от имени церкви, испытавшей в 20-30-е годы жестокие гонения и унижения именно от той власти, которую митрополит, обращаясь к верующим, теперь призывал всеми силами поддерживать. Церковь не только не потеряла стойкости духа в тяжелых испытаниях и неистовых преследованиях, но и взяла на себя заботу о поддержке народного духа в борьбе за независимость родины. Во всех сохранившихся от погромов православных храмах беспрестанно возносились молитвы о победе русского оружия.

Смысл обращения митрополита Сергея заключался в напоминании о вековом противостоянии между Русью и цивилизацией крестоносцев, в стремлении «призвать на помощь» русскую историю, не переставшую, несмотря на все катаклизмы, быть единым процессом. Это обращение стало еще одним доказательством историчности православного миропонимания. Интуиция православного человека, ощущающего всю глубину метафизической проблематики, подсказала митрополиту Сергию, что начавшая война является прежде всего войной религиозно-онтологических установок, враждебных одна другой. В ноябре 1941 г. в новом обращении к верующим митрополит Сергей сказал: «Всею миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и христианства. ...прогрессивное человечество объявило Гитлеру священную борьбу за христианскую цивилизацию, за свободу совести и веру». В годовщину нападения Германии на Советский Союз патриарший местоблюститель в своем послании пастве назвал Гитлера «антихриstopодобным» и «исчадием ада»³.

Подавляющим большинством населения начавшаяся война с гитлеровской Германией также была воспринята как война с озверевшим языческим сатанизмом, когда на Советский Союз легла нелегкая задача защитить от уничтожения и фашистского рабства не только себя, но и народы всей планеты. Ощущение войны как схватки сил

добра и зла, света и тьмы было характерным как для тех, кто воевал с вермахтом на фронте, так и для тех, кто работал в тылу для обеспечения фронта всем необходимым.

Страна с первых дней войны запела песню, ставшую военно-патриотическим гимном, – «Священная война». На героический и одновременно трагический строй мелодики, явленной высоким талантом композитора А. Александрова, гармонично накладывались слова В. Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой». Жесточайший антагонизм между Советским Союзом и фашистской Германией были выражены словами песни: «Как два различных полюса во всем враждебны мы...». Гимн «Священная война» был не просто патриотической песней, он будил мощную религиозную энергетику, таившуюся в глубинах народных архетипов, в течение веков формировавшихся под воздействием православия. Великая Отечественная война изначально воспринималась русскими людьми как священная, религиозная, приобретала в их сознании отсвет эсхатологизма и глубочайший историософский смысл.

Большевистская, внешне безбожная Россия оказалась орудием провиденциальных сил, пришедших на помощь человечеству, оказавшемуся на краю своей истории. Агрессия гитлеровцев против других стран внешне напоминала крестовые походы, устраиваемые средневековыми тевтонами, однако масштабы и цели этой агрессии были намного чудовищней, чем во времена крестоносцев. У фашистов наготове была программа «очищения» Земного шара от «расово неполноценных». Для Восточной Европы был заготовлен людоедский план «Ост», содержавший «квоты» и «разнарядки», согласно которым численность поляков должна была сократиться на 85%, белорусов и украинцев – на 75%, прибалтийских народов – на 50%. Для евреев и цыган план «Ост» и вовсе не оставлял места на земле.

Солдаты вермахта воевали за мировое господство германской нации. Эту цель внушала им вся нацистская пропаганда. Славянские территории должны были стать германским «жизненным пространством». Один из вождей «Третьего Рейха» Г. Гиммлер вещал: «Весь Восток до Урала должен стать питомником германской расы». Идеолог германского расизма А. Розенберг не раз повторял, что Германия стоит перед задачей «навсегда покончить вековой спор между немцами и славянами». В реальной практике это выливалось в планомерное и педантичное уничтожение мирного населения с помощью массовых расстрелов и лагерей смерти.

Нацизм имел явно выраженную религиозную природу. Рейхсминистр Г. Геринг заявлял: «Неверно говорить, что национал-социализм хочет основать новую религию. Он уже есть новая религия». Историки, исследовавшие идеологию германского нацизма, отмечали ее оккультно-языческий характер и тесную связь с теософией, люциферианством и магией. Для оправдания своей идеологии вожди германского нацизма изобретали исторические предания, активно мифологизировали историю. Конструируемое ими прошлое призвано было оправдать идеологемы, связанные с расизмом и человеконенавистническим элитаризмом, которые суммарно и представляли явление, известное под названием «фашизм».

Нацисты открыто заявляли о своем презрении к христианству, противопоставляли христианским заповедям магизм и теософскую схоластику, служившие антуражем для идеи оккультного «сверхчеловека». Свастика, известная ныне как фашистская, использовалась в оккультно-ритуальной практике теософских кружков, где собирались

последователи Е.Блаватской, задолго до появления нацистской партии в Германии. Гитлер и его окружение много времени уделяли изучению теософии и усвоению оккультных практик. В представлениях этих людей арийский расизм был только ступенькой к торжеству другого, оккультного расизма, к созданию «мирового порядка», который управлялся бы из «центра насилия и могущества». Этому «центру» предназначалось командовать не только народами, но и пространственно-временными стихиями, призванными освободить космос от «человеческого сора», от «раковых клеток человечества». По свидетельству исследователей нацистского оккультизма, на оккультные программы в нацистской Германии работало 50 институтов. Этим «научным организациям», занимавшимся супермассштабными манипуляциями сознания с помощью магии, «удалось произвести в недрах германского народа психофизический взрыв небывалой силы, перед которым тускнеет мощь атомного оружия»⁴.

Под демагогией фашистов о «новом человечестве» скрывалось избесившееся псевдоэлитарное высокомерие. Митрополит Иоанн (Снычев) писал: «Самообожжающая гордыня – вот духовный идол нацизма, в жертву которому приносится все: милосердие, сострадание, любовь, совесть и справедливость»⁵. Этот «духовный идол», прочно поселившийся в глубинах маниакального сознания фюрера и его подручных, бросил реальный вызов существованию народов Советского Союза. Не ответить на этот вызов означало одно: уход из истории, из «книги жизни». Жизненный инстинкт поднимал у советских людей все духовно-нравственные ресурсы для противостояния злу с помощью силы.

Без максимального использования этих резервов справиться с врагом было невозможно. Это понимал и И. Сталин, 3 июля 1941 г. обратившийся по радио к народу так, как никогда до этого не обращался: «Братья и сестры...», волю или невольно воздействуя на православные архетипы, скрытые в сознании большинства советских людей. Сталину было ясно, что невозможно превратить страну в единый военно-политический лагерь без добровольного согласия на то со стороны общественного большинства. Только единая воля руководителей государства и народа позволила четко и оперативно эвакуировать 1360 заводов с запада страны на восток, запустить непрерывные конвейерные линии по производству вооружения, провести массовую мобилизацию военнообязанных, организационно обеспечить огромный приток в армию добровольцев, развернуть партизанское движение.

Произошла резкая переориентация агитационно-пропагандистской работы. Обнаружилось, что марксизм с его подчеркнутым западоцентризмом, усиленным недостойными антиславянскими выпадами Энгельса, является слабым идейным союзником в борьбе против новоявленных гитлеровских «цивилизаторов». Война быстро развеивала фантазии относительно «мировой пролетарской революции». Коминтерн сменил содержание своей работы, а в 1943 г. был совсем распущен. В обществе возрос авторитет фронтовиков, особенно – офицеров. За счет воевавших на фронте разворачивалось кадровое обновление средних звеньев компартии. В условиях «смертного боя» лозунги механического интернационализма обесмысливались, на смену им пришло страстное обращение к национальным, патриотическим, державным чувствам людей. Тема патриотизма приобрела подлинно религиозное звучание. Стали широко использоваться примеры героического прошлого, реабилитировалась национальная символика.

Психологическая перестройка общества произошла очень быстро, охватив и многих из тех, кто пострадал от «классовых чисток» или политических репрессий. Низовая инициатива зачастую взламывала тесные рамки «чрезвычайщины». По сравнению с довоенным периодом, когда людям внушалось, что они лишь – «гайки великой спайки», заметно переменялась тональность партийной прессы: «Партия заинтересована в том, чтобы народ думал»; «перестать поучать массы, учиться у них»; «главная задача партийной работы – не план, а те, кто его выполняет»¹.

Духовно-нравственные ресурсы народного большинства были главным двигателем трудового самопожертвования, направленного на то, чтобы фронт был обеспечен всем необходимым. Уже во второй половине 1942 г. советская военная промышленность выпускала самолетов больше в 2 раза, танков – в 2,5 раза, орудий – в 3 раза, чем Германия, подчинившая себе промышленный потенциал почти всей Западной и Центральной Европы. Главным военно-промышленным регионом Советского Союза стал Урал, где выплавлялась большая часть чугуна, половина всей стали, производился весь алюминий, магний, никель, кобальт, выпускалось 60% средних и 100% тяжелых танков. Характерно, что производственные мощности большинства предприятий увеличивались без каких бы то ни было дополнительных капиталовложений – только за счет трудовой самоотдачи людей.

Свой вклад в подъем патриотического духа вносила и Русская православная церковь. Она внесла в фонд обороны более 200 миллионов рублей, собрала средства на танковую колонну имени Дмитрия Донского. По ее инициативе регулярно проводился сбор теплых вещей для бойцов фронта, в госпиталях была налажена постоянная помощь раненым с привлечением верующих санитарок. В рядах Действующей армии находилось немало служителей церкви. Митрополит Сергей (Страгородский) в своих посланиях не оставлял без внимания население временно оккупированных территорий, призывая его к духовной стойкости, к «победе над своими немощами и слабостями»: «Да бежит далеко от вас искусительная надежда купить себе благополучие путем измены Церкви и родине или хотя бы путем малодушного прислуживания пред врагом к унижению родины и самих себя»².

Патриотическая позиция Русской церкви, ее непримиримость к гитлеровским захватчикам не могли быть не отмеченными правительством Советского Союза. Его отношение к церкви кардинально переменялось. Из заключения и ссылки возвращались тысячи священнослужителей. По распоряжению И. Сталина было вновь открыто примерно 20 тысяч ранее закрытых православных храмов. Для верующих открылись ворота Троице-Сергиевой лавры – духовного центра русского православия. Возобновили деятельность духовные академии и семинарии, была разрешена издательская деятельность церкви. В сентябре 1943 г. И. Сталин дал согласие на избрание патриарха Русской православной церкви.

8 сентября 1943 г. состоялся Архиерейский собор, который единодушно избрал Патриархом митрополита Сергея (Страгородского). Это событие стало переломным в жизни Русской православной церкви. После него началось восстановление церковной иерархии и замещение ранее пустовавших епископских кафедр. Восстанавливались многие епархии, в том числе – и Свердловская, в ведении которой оказались Свердловская и Курганская области. Для управления епархией из заключения был выпу-

щен архиепископ Варлаам (Пикалов). В октябре 1943 г. Иоанно-Предтеченский храм в Свердловске получил статус кафедрального собора. Верующие Свердловской епархии активно помогали фронту, за время войны внеся на государственные финансовые счета свыше 15,5 миллионов рублей, тем самым приблизив наступление победы.

Победа над гитлеровцами воспринималась советскими людьми как преодоление вселенского зла, как величайшее событие не только русское, но и всемирной истории, как торжество высшей правды. С этих позиций популнизация некоторых нынешних политиков и деятелей масс-медиа принизить значение победы армии и народа в Великой Отечественной войне являются показателем либо цинизма, либо скудоумия. Задачами историков остаются раскрытие правды о войне и показ колоссального значения для судеб мира победы Советского Союза над фашизмом.

¹ Митрополит Иоанн (Снычев). Самоотжавие духа. СПб., 1994. С. 316.

² «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви»: Послание патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 22 июня 1941 г. // Наш современник. 2000. №5. С. 216.

³ «Близок час напел победы»: Послание патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) от 11 ноября 1941 г.; «Воллобленным о Христе чадам святой Православной Русской Церкви»: Послание патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского) от 22 июня 1942 г. // Там же. С. 218, 220.

⁴ Воробьевский Ю. Мистика фашизма // Россия. 12-18 апреля 1995; Бержье Ж., Повесть А. Утро магов. М., 1991. С. 61-64; Лудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. СПб., 1995. С. 40-42, 66-71, 188-190.

⁵ Митрополит Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 297.

⁶ Цит. по: Бардюгов Г.А. Великая Отечественная: подлин и обманутые надежды // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М., 1991. С. 271-272.

⁷ «Верным чадам святой Православной Русской Церкви, оставшимся в областях СССР, временно захваченных врагом»: Послание митрополита Сергия (Страгородского) в январе 1942 г. // Наш современник. 2000. №5. С. 220.